

De Lingua Latina сказал, что оно было написано в наихудшем стиле, который когда-либо появился в прозаическом произведении; N o r d e n E. Die antike Kunstprosa. Leipzig, 1898, Bd. I, S. 194.

19 "Сатиры", I, 4, ст. 8-13; IO, ст. I, 50, 57, 60-61, 67-70.

Л.С. Мокрородова

ЛУЦИЛИЙ В ОЦЕНКЕ ГОРАЦИЯ
(к проблеме преемственности)

Незаурядный талант и своеобразие личности Гая Луцилия, основоположника римской сатиры, сделали его одним из самых читаемых авторов в Риме и определили разноречивость мнений о его поэзии в античной традиции. Так, разносторонние наблюдения Горация над поэзией своего предшественника вылились в его сатирах в обилие критических замечаний, упреков в адрес Луцилия. Цицерон же находил у Луцилия утонченность стиля, остро-ту, даже цитировал фрагменты его сатир как образец для подражания. Особенно возмущала несправедливая критика в адрес Луцилия грамматика Квинтилиана, который высоко ценил его поэзию.

Принимая во внимание эту противоречивость оценок античной традиции, исследователь творчества Горация Н. Радд предпринял попытку "объективировать" мнение о Луцилии. Он предложил рассмотреть критику Горация "в свете самих фрагментов" Луцилия.¹ Н. Радд как бы проверяет текстом справедливость суждений Горация о Луцилии (и приходит к выводу, что все его оценки отражают определенные реальности в поэзии Луцилия) и в то же время аргументированно защищает его от обвинений в неумении и лени. Для этого ученый, объединив все относящиеся к творчеству Луцилия свидетельства в определенные тематические группы, последовательно раскрывает существо критических доводов Горация, иллюстрируя их фрагментами из сатир Луцилия, - и тем проверяет основательность этих доводов. Н. Радд,

в общем, выделяет такие аспекты критики Горация, которые традиционно обращают на себя внимание исследователей – необработанность, многословие, поспешное обнародование произведений, грубость и шероховатость стихов, погрешности в словоупотреблении и стихосложении, определенную "взлещивость" (с негативным оттенком), изобилие гречизмов.² Эти оценки Горация Н. Радд обширно прокомментировал материалом из самого Луцилия. Однако общий вывод исследователь делает, как бы "миная Горация": особенности стиля Луцилия Горацием определены верно, однако они вовсе не являются недостатками. Речь идет о том, что эти два поэта представляют разные поэтические школы, что разногласия между ними – результат несхожих теоретических установок, "различие между Луцилием и Горацием лежит в области различия теорий".³ Ибо Луцилий – поэт "раблезианского духа", с свободным и мощным поэтическим почерком, чуждый ригористическим требованиям той эстетики, которую в римской литературе представляет Гораций. Заметим по этому поводу, что такой вывод ничего не добавляет собственно "к Горацию", который в своей критике опирался на собственные эстетические представления и объяснял для себя и для читателя недостатки поэзии Луцилия вовсе не своеобразием занимаемой им позиции, а леностью и недостаточным трудом для достижения определенного уровня поэтического мастерства (в эстетике Горация оно получило имя *scribendi recte*). Поэтому мы видим свою первостепенную задачу в том, чтобы взглянуть на оценки Горация не "в свете фрагментов Луцилия", а в свете выдвигаемых им самим требований к поэтическому мастерству.

В сатирах и посланиях Горация мы часто встречаем литературные рекомендации, мысли, замечания о поэзии (немалую их долю составляют заметки о поэзии Луцилия). Это – "прелюдия" к знаменитому трактату "Искусство поэзии" ("De arte poetica"). С отголосками общетеоретических рассуждений мы повсюду встречаемся у Горация на страницах "литературных" сатир, это – наброски к "De arte poetica", где слились воедино представления Горация о природе поэтического, где аккумуляровались и приняли окончательную "классическую" форму основные категории

горацианской эстетики. Для нас знаменательно, что именно в своеобразной "дискуссии" с Луцилием Гораций развивал и отшлифовывал свои суждения о поэзии. Разве не на эту мысль наводят нас строки из "De arte poetica":

Здравый и дельный ценитель бессильные строки осудит,
Грубым предъявит упрек, небрежные – черным пометит
Знаком, перо повернув, излишнюю пышность – урежет,
Там, где слишком темно, – прикажет света подбавить,
Там, где двусмысленность, – вмиг уличит, где исправить – укажет.

(А.р., 445-449)⁴

Здесь каждая строка – тезис из "De arte poetica", каждое слово – словно упрек, адресованный Луцилию.

Весь пафос "De arte poetica" определяется знаменитым принципом: "Стало быть, делай, что хочешь, но делай простым и единым" (А.р., 23). Возобновляя традицию сатиры в римской литературе, Гораций – в духе собственных требований – отказывается от бесконечно тянувшихся гекзаметров, где все перемешано, как справедливо указывает П. Грималь. Он "расколол старую рамку сатиры надвое, анекдоты и комедийные сценки сделались сюжетом отдельных произведений".⁵ И этим Гораций противопоставил себя своему предшественнику, который *cum flueret lutulentus* ('мутным потоком он тек') (З, I, IV, II). Это стремление Горация к архитектурному единству в сатире П. Грималь объясняет так: прежде римская сатура слишком напоминала греческую диатрибу, и это не внушало доверия той части римлян, которая была настроена более консервативно (*aux plus traditionnalistes*).⁶ Нам же кажется, что нежелание смешивать разные "виды поэзии" в сатире скорее соответствует духу эстетики Горация, нежели его патриотическим настроениям.

Укажем еще на некоторые положения "De arte poetica", которые прямо соотносятся с критическими размышлениями Горация о Луцилии.

Всмерно отстаивая необходимость усовершенствования стихов (А.р., 347-360), Гораций восстает против посредственного в

поэзии: "... а поэту посредственных строчек ввек не простят ни люди, ни боги, ни книжные лавки!" (А. р., 372-373). Поэтому неудивительно читать о стихах Луцилия:

... Он считал за великое дело
Двести стихов произнести, на одной ноге простоявши,
Мутным потоком он тѣк, немало в нём было излишеств,
Лени, пустой болтовни ...

(S, I, IV, 9-12)

Своеобразную пару составляют два места из Горация: одно из X сатиры I книги (посвященной Луцилию): *est brevitae opus* ('краткость нужна') (S, I, X, 10). Другое - из "De arte poetica": *quidquid praecipies, esto brevis* ('кратко скажи, что хочешь сказать') (А. р., 335). Та же афористичность, та же лаконичность, и то и другое могут быть с одинаковым основанием отнесены к Луцилию, который писал *ut saltim, non miror* ('Много ль писал - умолчу!') (S, I, IV, 13). То, что краткость возведена Горацием в художественный принцип, позволяет соизмерить всю значительность обвинений в многословии и небрежности. Принципиально не принимает Гораций и погрешностей в стихосложении: "нескладные строчки" (*immodulata poemata*) он считает недостойными снисхождения ценителей поэзии (А. р., 263-264)! Видимо, он говорит о небрежности в стихосложении как о проблеме, давно наблевшей, не скрывая даже своего раздражения к попустительству этому пороку:

Если же ваши отцы хвалили и ритмы и шутки
Даже у Плавта, - ну что ж, такое в них было терпенье,
Можно даже сказать - их глупость ...

(А. р., 270-272)

Все это отчасти объясняет известную запальчивость Горация, когда он пишет:

Да, я, конечно, сказал, что стихи у Луцилия грубы,
Что без порядка бегут они. Кто же, бессмысленный, будет
В этом его защищать?..

(S, I, X, 1-2)

Нет места в поэтической системе Горация и излишней грубости и резкости: *Vir bonus et prudens ... versus ... culpabit duro* ('Здравый и дельный ценитель ... грубым [строкам] предъявит упрек') (А. р., 445-446). Поэтому и Луцилия Гораций порицает за то, что тот *acer* ('резок') (S, I, X, 14).

Дважды встречаем в текстах Горация выражение *scribendi recte*. Один раз - в "De arte poetica": *scribendi recte sapere est et principium et fons* ('Мудрость - вот настоящих стихов исток и начало') (А. р., 309), и второй раз - в IV сатире I книги, где о Луцилии говорится, что он *piger scribendi ferre laborem, scribendi recte* ('ленив переносить сочинительства труд, правильного сочинительства') (S, I, IV, 12-13, перевод наш - Д.М.). В первом случае это выражение (термин у Горация) обозначает весь комплекс поэтического умения. Нам представляется, что и во втором случае следует понимать выражение *scribendi recte* в таком же широком смысле. Особенно если принять во внимание, что направленность критики Луцилия повсюду совпадает с положениями "De arte poetica".

В пользу такого понимания выражения *scribendi recte* говорит и то, что в веренице упреков, адресованных Луцилию в IV сатире, это - "ключительный аккорд", повторенный к тому же дважды. Такой повтор у обычно экономного Горация должен означать особую самостоятельную полновесность этого выражения. Добавим, что ранее Гораций порицает Луцилия лишь за отдельные недостатки, подробный их разбор не входил в задачу сатиры (это всего лишь ее своеобразный "зачин"). Поэтому здесь поэт ограничился самыми существенными упреками, все же прочие включил в единое: *piger scribendi ferre laborem, scribendi recte* ('ленив переносить сочинительства труд, правильного сочинительства') (S, I, IV, 12-13, перевод наш - Д.М.). В существующих переводах, однако, это место понимается слишком узко, отсутствие искусства *scribendi recte* ставится в один ряд с прочими недостатками. Например (перевод М. Дмитриева):

Мутным потоком он тѣк, немало в нём было излишеств,
Лени, пустой болтовни; не любил он трудиться над слогом.

Н. Радд также относит понимание *scribendi recte* к определенной группе критических замечаний — к языку (*language*), а именно — к манере выражаться (*diction*).⁷ А. Вуйчик склонен понимать это выражение скорее как "окончательную доработку стиха" — и в стиле и в метрике.⁸ Понимание А. Вуйчика все же ближе нашему, однако оно подразумевает лишь техническую, формальную сторону мастерства, тогда как *scribendi recte sapere est et principium et fons* ('Мудрость — вот настоящих стихов исток и начало') (А. р., 309). А понятие *sapere* (мудрости) у Горация гораздо обширнее, оно — в качестве одной из наиболее широких эстетических категорий — включается в общий ход рассуждений о знаменитой альтернативе: *ars [natura] aut ingenium* ('талант или мастерство').

Наряду с энергичными порицаниями Гораций удостоивает Луцилия также и высоких похвал. Эта весьма противоречивая неоднозначность оценки Луцилия всегда вызывает стремление исследователей найти определенную логику в отношении Горация к своему предшественнику, "сбалансировать" все "за" и "против" в рамках единой концепции. В этой статье мы не ставим перед собой задачи предъявить еще одно понимание указанной противоречивости. Заметим только, что и похвалы Луцилию так же соотносятся с положениями "De arte poetica", как и его критические замечания (например, Гораций хвалит обличительную дерзость Луцилия, уподобляя в этом смысле его поэзию древней аттической комедии — S, I, IV, 1-6). А в "De arte poetica" Гораций возводит требование "следовать грекам" чуть ли не в ранг общеэстетического принципа (например: А. р., 268-269). Вообще же одобрения со стороны Горация заслуживало все то, что получило дальнейшее развитие в традиции жанра сатиры, и прежде всего у самого Горация — введение гекзаметра, комизм, наличие обличительного элемента как определяющей черты жанра.

Все это позволяет высказать несколько итоговых соображений. В поисках жанра, способного отразить актуальность сегодняшнего дня, сосредоточить критические размышления о современной жизни, Гораций остановил свой выбор на отечественном жанре сатиры. Он отобрал из существующей традиции достойное одобре-

ния, отбросил все несомненно устаревшее. В целом это была удачная попытка "вдохнуть жизнь" в сатирический жанр, который, оказавшись в руках Гая Луцилия орудием социально-политической борьбы, грозил превратиться в литературный анахронизм в новых исторических условиях. Традиция отечественной сатиры подверглась творческой переработке в произведениях Горация как по форме, так и по содержанию. Для нас важно, что критическое усвоение наследия Луцилия происходило у Горация под знаком тех высоких требований, которые он вообще предъявлял к искусству. Принципы поэтической системы Горация были той максимой, на которую он ориентировал и свои критические размышления. Итак, упреки Луцилию поэт предъявлял с позиции собственной поэтической школы, с вершины своего художественного мастерства, смотрел на своего предшественника в свете собственных представлений об искусстве *scribendi recte*. Следует признать, что критика Горация носила тщательно выверенный и продуманный характер и сами общетеоретические размышления Горация питались постоянными наблюдениями над живой поэзией.

Примечания

- 1 R u d d N. The satires of Horace. Cambridge, 1966, p. 97.
- 2 Ibid., p. 97-III.
- 3 Ibid., p. II6.
- 4 Здесь и далее переводы даются по изданию: Г о р а - ц и й. Соч. М., 1970 (переводы сатир М. Дмитриева, перевод "Искусства поэзии" М. Гаспарова).
- 5 G r i m a l P. Horace. Paris, 1958, p. 38.
- 6 Ibid., p. 38.
- 7 R u d d N. The satires of Horace, p. 103.
- 8 W ó j c i k A. Problematyka literacka w twórczości Horacego. Poznań, 1978, p. 53.